

СООБЩЕНИЯ

Ю. Я. ВИН

ЭВОЛЮЦИЯ ОРГАНОВ САМОУПРАВЛЕНИЯ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ И ФОРМИРОВАНИЕ ВОТЧИННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В ПОЗДНЕЙ ВИЗАНТИИ

Особенности аграрного строя поздней Византии — сохранение сильного контроля над селом со стороны государства, замедленное формирование феодального поместья и ясно выраженная незавершенность процесса разложения византийской общины¹ — обусловили специфику развития византийской деревни.

На рубеже XII—XIII вв. сельская община в Византии находилась на пути к феодальной зависимости. По-видимому, можно говорить о сохранении в этот период в отдельных районах ограниченных групп свободного крестьянства. Свободные крестьяне образовывали подчиненные непосредственно государственной администрации общины, которые располагали известной самостоятельностью и пользовались правами самоуправления².

Одновременно в Византии завершается процесс складывания феодальной вотчины³. В исторической науке бытует представление о том, что крупное феодальное владение вытесняло село (the village), т. е. сельскую общину, как основу организации «сельского общества»⁴. Действительно, вызревание феодальных элементов внутри сельской общины, так же как образование феодального поместья на территории села, способствовало разложению общинных отношений крестьянства, но это отнюдь не означало исчезновения сельской общины. Напротив, пожалование феодальному землевладельцу целого села или значительной его части порой благоприятствовало консервации общинных отношений в селе, подчиняемом власти феодала, который использовал общинные институты в своих интересах⁵.

Итак, проблема поздневизантийской общины неразрывно связана с проблемой формирования феодальной вотчины. Одним из важнейших аспектов в решении названных вопросов является изучение организации управления сельской общины и поместья, т. е. органов самоуправления общины и вотчинной администрации. Их исследование позволяет проследить изменения, испытанные общинным коллективом в процессе укрепления феодальной зависимости, оценить влияние, оказанное общиной на развитие феодальных отношений в поздневизантийском селе.

Изучая эволюцию самоуправления сельской общины и формирование аппарата управления феодальной вотчиной, необходимо уяснить роль государственной администрации в жизни византийской деревни. В палеологовский период византийской истории наиболее важные функции управления селом, несомненно, принадлежали апографевсу, кефале провинциального центра, чиновникам фиска, во главе которых стоял практир⁶. Сфера деятельности и полномочия этих должностных лиц неоднократно были объектом изучения⁷. Здесь достаточно поэтому сказать лишь об осуществлении представителями государственной администрации контроля над сельской общиной и феодальным поместьем.

Обладая широким кругом полномочий, государственные чиновники следили за выполнением податных обязательств членов сельской общины и населения феодальной вотчины перед государством, контролировали имущественные права жителей села. Судебно-административные прерогативы представителей власти допускали их вмешательство во внутренние дела общины и поместья. Наиболее полно документальные материалы XIII—XV вв. отражают деятельность в селе представителей низшего звена государственного аппарата управления: практоров, сборщиков налогов и других представителей фиска. В силу своих полномочий чиновники именно этой группы были непосредственно связаны с жителями сел, с членами органов общинного управления и вотчинной администрации. Практики имели право входить в усадьбы («дома») крестьян, чтобы обследовать их хозяйства⁸. Под их надзором действовали сборщики налогов, взыскивавшие подати с жителей села⁹. Вместе с местными архонтами и феодальными землевладельцами, представителями крестьянства — членами органов управления сельской общины — практоры руководили проведением земельных разделов, операциями по отчуждению земель, решали земельные споры¹⁰.

Важное значение для жителей села имела деятельность апографевса. От точного выполнения его обязанностей зависели как соблюдение владельческих прав феодальных собственников, так и неприкосновенность общинных владений. В ходе выполнения межеваний чиновникам приходилось прибегать к помощи членов управления сельских общин и проводить межевание в их присутствии¹¹. Быть может, благодаря посредничеству представителей сельских общин или управляющих феодальным поместьем иногда удавалось отстоять имущественные интересы жителей села: Константин Апельмене, производивший согласно указанию императорской простагмы в 1300 г. в качестве апографевса надделение Ксенофонтского монастыря земельным участком, избегает выделять земли указанному монастырю за счет наделов общинников хориона Аврамитов, дабы не причинить ущерба эпикам хориона в их паричских «ипостасях»¹².

Кроме того, полномочные представители государственной власти, контролируя численность зависимого населения феодального поместья, осуществляли надзор за составом жителей села. Государственные чиновники обеспечивали неприкосновенность прав феодалов на зависимых от них париков¹³. Так, в практике Андроника Ватаци, составленном в 1181 г., зафиксирована передача прониарам-куманам крестьян государственных хорионов взамен изъятых у них монастырских париков¹⁴. Представители администрации были ответственны за розыск и возвращение беглых париков¹⁵. Вероятно, в большинстве случаев розыск и возвращение беглых париков производились по мере обнаружения их администрацией феодального домена¹⁶. Одной из задач государственной администрации являлось проведение карательных мероприятий при неповиновении зависимых крестьян их господам¹⁷.

Таким образом, государственная администрация играла важную роль в жизни поздневизантийской деревни. Ее представители вступали в прямые контакты с органами самоуправления общины и вотчиной администрации. По мере необходимости они привлекали членов органов самоуправления для решения насущных задач. В то же время представители власти содействовали вотчинной администрации в осуществлении контроля и надзора за населением феодального владения. Приведенные сведения отнюдь не исчерпывают вопроса об органах самоуправления и администрации феодального поместья.

Проблема самоуправления византийской общины X—XV вв. поставлена в исторической литературе уже давно, хотя остается недостаточно изученной до настоящего времени. Немногочисленные сведения источников, позволявшие ознакомиться с ролью общины в качестве административной организации, с судебными полномочиями общинных органов управления, использовались исследователями без учета конкретного

статуса той или иной общины, стадии развития общинного института в том или ином регионе.

Уже в первых исследованиях материалов греческих актов, проведенных В. Г. Васильевским и Ф. И. Успенским, освещалась деятельность сельского суда, состоящего из «домохозяев», оговаривалась причастность его работе «местных стариков», «хороших людей» из близлежащих сел, характеризовалась общественная активность жителей села¹⁸. Представления об общинном самоуправлении ряда последующих историков, касавшихся этой проблемы, схематичны. П. Гренье высказал мнение, что с XI в. византийские общины, как городские, так и сельские, боровшиеся против натиска крупных земельных собственников, добиваются статуса административного самоуправления. Органы управления общин были выборными, располагали правами суда и сбора налогов¹⁹. А. П. Рудаков, говоря об общине VIII—XI вв., отметил значимость социально-экономического положения представителей общинного управления и заявил о наличии у них полицейских функций²⁰. Н. А. Константину упомянул о том, что органы управления сельской общины возглавляли стратиготы, «старцы» и другие лица²¹. И. И. Соколов утверждал, что общественная жизнь села зависела от автономного управления, «выразившегося в организации димогартии как избранного народного представительства на началах классового самоопределения»²². Ф. Дэльгер высказался в пользу существования в XIV в. общинного самоуправления, во главе которого стояли «протостарцы»²³. Его мнение поддержано Г. Г. Литавриным²⁴. Д. Ангелов допускал существование самоуправления свободной сельской общины в поздней Византии. Ее органы, состоявшие из зажиточных жителей села, сохранялись при пожаловании феодалу целого села. В противном случае феодально зависимая община управлялась «сельским головой» (ἐπιχρατῶν)²⁵. Н. Зворонос указал, что административные полномочия принадлежали наиболее видным жителям села (les notables)²⁶. П. Харанис также отметил наличие административных функций у наиболее видных жителей села, которые участвовали в качестве судей в разрешении имущественных споров²⁷. Б. Ферьянчич рассматривал участие пользующихся авторитетом жителей села в совершении имущественных сделок односельчан как доказательство сохранения сельской общины в поздней Византии²⁸. Наконец, А. Е. Лапу-Томадакис, которая исходит из предпосылки о сохранении византийской общиной вплоть до позднейшего периода судебных и административных функций, считает, что интересы общинного крестьянства выражали особые представители. В качестве таковых могли выступать номики сел, богатейшие и старейшие жители села или прони — «лучшие», «домоправители» (householders), «старцы» и «простарцы», которые выступали в роли свидетелей, участвовали в суде феодала над его париками²⁹.

Наблюдения над общественными учреждениями трапезундской деревни также не дают полного и правильного представления о самоуправлении общины. Ф. И. Успенский, характеризуя сельский суд в Трапезунде, подчеркнул, что в нем принимали участие «административные чины», иногда были приглашаемы так называемые вселенские судьи³⁰. При этом русский византинист полагал, что вселенские старцы, известные в XIII в., частично назначались местной властью, отчасти составляли правительствоное судебное учреждение³¹. С позицией Успенского созвучно мнение Л. Максимовича, считавшего, что под именем старцев и «заслуживающих доверия мужей» (ἀνδρες ἀξιόπιστοι) скрываются исключительно представители мелкопоместных феодальных землевладельцев, стратиготов, духовенства, незнатные представители местного управления³². А. Брайер указал, что институт старцев в Трапезундской империи функционировал до XIII в. В его обязанности входило умиротворение споров в удаленных деревнях до разбора их в суде³³.

Проблема самоуправления общины малоазийских районов страны в XIII в. привлекла внимание М. Энгольда. По мнению историка, зажиточная часть париков — икодеспоты, «лучшие», а также священники —

образовывала сельский совет (village council), руководивший во многих отношениях жизнью никейского села. Помимо того, икодеспоты совместно с местным духовенством и стратигатами образовывали местные собрания (local assemblies), принимавшие участие в управлении сельским округом. Находясь под покровительством провинциальных церковных иерархов, местные собрания проявляли значительную самостоятельность в своей судебной-административной деятельности и обладали независимостью по отношению к местным феодальным землевладельцам ³⁴.

Рассматривая вопрос об общинном самоуправлении, необходимо обратить внимание на некоторые факторы внутреннего развития византийской сельской общины в X—XIV вв., которые оказывали влияние на формирование органов самоуправления и характер их деятельности. Среди них можно отметить процесс размывания рядов свободного крестьянства. Обезземеливание и рост имущественной дифференциации общинного крестьянства вели к обеднению и переходу в феодальную зависимость основной массы жителей села ³⁵. Поляризация общинного крестьянства нашла прямое отражение в документах этой эпохи в противопоставлении «больших» «меньшим» и «малым» ³⁶, в характеристике низших слоев общины ³⁷.

Одновременно формировалась прослойка земельных собственников, занимавших промежуточное положение между зажиточным крестьянством и мелкофеодальными вотчинниками. Среди эпиков, жителей византийской деревни, уже в X—XI вв. выделяется зажиточная верхушка держателей, так называемые «домоправители» (οἰκοδεσπότες, χωροοικοδεσπότες) ³⁸. В XIII—XIV вв. «домоправители» и «лучшие» образовывали прослойку крестьянства, примыкавшую по своему положению к феодальным землевладельцам, но отличавшуюся от них по своему происхождению и социальному статусу ³⁹. В отдельных случаях выходцы из зажиточных слоев крестьянства могли достичь положения мелких феодальных владельцев ⁴⁰. Присутствие в селе группы зажиточных крестьян, несмотря на незначительность размеров этой прослойки, оказывалось весьма ощутимым. Именно эта часть жителей составляла ядро органов общинного самоуправления. Ее представители кооптировались в ряды местной администрации, в органы управления вотчины ⁴¹. Среди икодеспотов упоминаются мелкие чиновники — декарх-десятник (δέκαρχος), иколог (οἰκολόγος) ⁴².

Важным фактором усиления различий общественного положения среди общинников являлось возрастание роли духовенства, входившего в состав общины ⁴³. Думается, в этом сказывалось влияние духовных учреждений, особенно монастырей, на общину, выступавшую в качестве церковного прихода ⁴⁴. Лица духовного звания, происходившие из крестьян, в большинстве своем находились в феодальной зависимости ⁴⁵. Но принадлежность общинника к духовному сословию могла повлиять на его социальный статус ⁴⁶. Роль лиц духовного сословия в общественной жизни села определялась их авторитетом среди жителей. Иногда они умели составить необходимый документ ⁴⁷. В отдельных случаях рядовой общинник мог добиться избрания на одну из важнейших должностей в церковном приходе — сакеллария ⁴⁸ или стать номиком ⁴⁹.

И наконец, следует сказать о том, что на протяжении X—XV вв. радикально меняются характер и значение в жизни византийской деревни собрания членов общины — сельского схода.

Характер сельского схода в полной мере раскрывается в акте 1008 г., составленном от имени членов общины хориона Радохоста. Из содержания документа следует, что жители села отказываются от притязаний на проданный ими прежде монастырю св. Акиндина участок земли. После продажи земельный участок стал объектом спора между общиной и монастырем вследствие неопределенности границ проданного надела. Показательно, что для решения спора о границах земельного участка собрались «все от мала до велика» ⁵⁰. Указанная формулировка, видимо, отражает реальные обстоятельства проведения раздела ⁵¹. Община продала монастырю пустошь, на которую, как на всякое общинное угодье, мог претен-

довать каждый из ее членов⁵². Важность события обусловила присутствие и при процедуре межевания всех членов общины, а не только представителей ее руководящего органа.

С течением времени для жителей села, собиравшихся для решения общих дел, устанавливаются социальные ограничения. Сельский сход постепенно вырождается в сходку, в которой принимает участие узкий круг членов общины. Из числа жителей хориона Дрианувена, продавших, как утверждается, по общему согласию стасть Архонтицы, на сходе, одобрившем продажу и распределившем среди общинников налог продаваемой стасти, присутствовали одни только «лучшие»⁵³.

Можно предполагать, что общинный сход не исчез полностью до конца византийской истории. Но документы XI—XIV вв. содержат примеры иного рода: от имени общины обычно выступала лишь незначительная часть ее членов⁵⁴. Показательно, что общинный сход сохранял свои права не только в решении поземельных вопросов, но и в распределении податей, возложенных на общину, между ее членами⁵⁵. Однако социальные ограничения состава сельского схода свидетельствовали об изменении его характера и утрате рядовыми общинниками значимой роли в управлении селом.

Итак, сельская община представляла административную и юридическую организацию византийского крестьянства⁵⁶. Ее руководящий орган, известный в XIII—XV вв. как институт «старцев» (γέροντες), служил традиционной формой организации управления общины, имея своим предшественником выборные органы свободной общины.

Наиболее отчетливо деятельность органов общинного самоуправления прослеживается по актовым материалам, происходящим из Трапезундской империи. Как свидетельствуют документы, старцы производили раздел имуществ и принимали участие в совершении поземельных сделок. В 1264 г. представители сельской общины, имеющие опыт в оценке имуществ (τοῖς παῖραν ἔχοντας εἰς τὰς τῶν τοπίων διατηρήσεις), устанавливали цену продаваемого Вазелонскому монастырю крестьянского надела⁵⁷. Местные старцы, пользовавшиеся большим авторитетом, участвовали в различных общественных церемониях⁵⁸. Но сведения об общинных сходах в трапезундской деревне отсутствуют. Трудно сказать, был ли институт «местных старцев» (τοπικοὶ γέροντες) выборным учреждением. Думается, что уже в XIII в. он не был выборным учреждением в полном смысле слова, но и не стал органом, назначаемым представителями государственной власти. Очевидно, что в число «местных старцев» входили пользовавшиеся почетом и влиянием наиболее авторитетные члены общины, многие из которых принадлежали к прослойке зажиточного крестьянства и носили духовное звание. Но уже в это время среди руководителей общины появляются мелкие феодальные землевладельцы⁵⁹.

Со второй половины XIII в. стала ощутимой тенденция подчинения общинного органа управления местным феодалам. В одном из документов 1270-х годов описывается тяжба, во время которой игумен Вазелонского монастыря привел «местных старцев» на земельный участок, чтобы потребовать от них клятвы в том, что надел принадлежит монастырю на законном основании⁶⁰.

Со второй половины XIV в. положение института старцев существенно изменяется. По-прежнему сельский суд, состоявший из старцев, решает споры между общинниками, добиваясь заключения мировых⁶¹. Но с этого времени наблюдается сращивание сельского общинного суда с представителями местных вотчинников. В результате сельский суд «мужей-миротворцев», не могущий оправдать себя в тяжбах между общинниками и местными феодалами, отстаивал интересы последних⁶². Постепенно общинные органы управления превращались в первичную судебную инстанцию, члены которой принимали участие в судебном следствии на местах. Их роль сводилась к представлению свидетельских показаний на суде и к освидетельствованию актов об отчуждении имуществ членов общины⁶³. В случаях разногласий и имущественных споров окончатель-

ное решение выносилось судом — дикастирионом при участии местных архонтов⁶⁴. Так, в банде Мацука судебные разбирательства нередко возглавлял Феодор Цимприк⁶⁵. К XV в. контроль администрации в трапезундской деревне усилился. Члены общины оказались под всеохватывающей опекой чиновничества⁶⁶.

В сельских районах юго-западной части Малой Азии органы общинного управления длительное время сохраняли, видимо, исконное название «местные люди» (τοπικοί ἄνθρωποι). В первой половине XIII в. органы общинного управления в этом регионе включали представителей свободного крестьянства. Но уже тогда их деятельность в качестве членов управления сельской общиной зависела от представителей феодального землевладения⁶⁷. Роль феодального суда — дикастириона в регулировании взаимоотношений сельских общин и феодальных собственников обнаружилась здесь в 20—30-е годы XIII в., когда усилился натиск на общину крупных феодальных землевладельцев⁶⁸.

В первой половине XIII в. «лучшие» и «домоправители» хорионов Кукула и Вари принимали участие в размежевании земель, проводимых чиновниками фиска⁶⁹. Но на протяжении XIII в. функции общинного управления быстро редуцировались. По существу степеня участия органа общинного управления в управлении селом ограничивалась освидетельствованием его членами совершаемых имущественных сделок и судебных постановлений⁷⁰. Проникновение феодальных элементов в состав органов общинного управления изменило их характер и отразилось на их названии. В 1260—1270 гг. члены управления сельской общиной известны под именем «заслуживающих доверия мужей» (ἀξιόπιστοι ἄνδρες)⁷¹. В частности, они были привлечены к решению длительных разногласий сельских общин хорионов Манахия и Стомата с патмосским монастырем, возникших после передачи монастырю земельного участка Гония Петаки. В начале 1260-х годов спор был вынесен на суд дуки области Меланудия Иоанна Селагитиса. «Заслуживающие доверия местные люди» уточняли характер прав общин на отторгнутую часть земли⁷². С последней четверти XIII—начала XIV в. сельский суд в юго-западных областях Малой Азии полностью контролировался представителями государственной администрации и феодальными владетелями, так называемыми «благородными мужами» (ἄνδρες χρήσιμοι), закрепившимися в составе органов общинного управления⁷³.

Процесс утраты самостоятельности органов общинного управления в европейских провинциях Византии происходил более интенсивно, чем в азиатских районах страны. В XIII—XV вв. в качестве руководящего органа общины выступал институт старцев. Ключевые позиции в самоуправлении сел Южной Македонии, Фессалии и прилегающих островов, где располагались обширные комплексы монастырских владений, занимало духовенство⁷⁴. Нередко в органы управления были кооптированы представители монастырей⁷⁵. Лица духовного звания, имевшие большое влияние на рядовых общинников, принимали активное участие в деятельности органов общинного самоуправления. Они являлись свидетелями при заключении сделок общинников, представляли интересы сельской общины в феодальном суде⁷⁶. Так, общественное положение парика Крива из хориона Акротерий, ставшего монахом, позволило ему выступить на суде свидетелем от лица его общины⁷⁷. Помимо того, сельские общины находились под сильным влиянием чиновников, представителей провинциальной знати и мелких феодальных владетелей, которые, проникая в органы общинного управления, также выступали под именем старцев⁷⁸. Сельский суд общин Южной Македонии и Халкидики контролировался афонским протатом и епископом Иериссо⁷⁹. Окончательное решение имущественных споров между общинами сел и феодальными собственниками выносили члены суда — дикастириона⁸⁰.

Укрепление феодальных отношений не могло уничтожить полностью традиции общинного самоуправления. Во второй половине XIII в. «заслуживающие доверия мужи» хориона Дрианувена, как и прежде, оце-

ивали имущества, продаваемые членами общины⁸¹. Старцы и «лучшие» выступали свидетелями при отчуждении земельных держаний общинников, принимали участие в расследовании земельных споров монастырей⁸². Порой члены органов общинного управления оказывались способными к самостоятельным действиям по отношению к своим господам. В середине XIV в. «местные люди» хориона Самосад, который был пожалован новому владельцу, опасаясь суда с соседним монастырем, потребовали у нового господина точного соблюдения владельческих прав монастыря⁸³.

Таким образом, сельская община в Византии длительное время сохраняла свои организационные формы. Важнейшие вопросы управления решались на общинной сходке, в которой принимали участие в первую очередь члены общины, принадлежавшие к ее верхушке. Органы общинного управления выполняли различные функции, но основной их задачей являлись организация и проведение «местного» суда. Выдвижение именно судебной функции руководящего органа византийской общины на первый план было вполне закономерно, ибо проведение сельского суда было типичной функцией общины⁸⁴. Прежде всего в сферу деятельности сельского суда входили расследование и решение поземельных споров. И в этом смысле сельский суд, безусловно, сохранялся как общинная традиция, народный обычай⁸⁵.

В различных районах страны глубоко укоренились и другие традиции общинного самоуправления, связанные с поземельными отношениями в общине. В регионе Понта, на островах Средиземноморья длительное время (до XII—XIII вв.) сохранялась традиция, согласно которой органы управления сельской общины удерживали за собой право производить оценку (*διατίμησις*) отчуждаемой земли членов общины⁸⁶. Не исключено, что отголоски этой традиции проявлялись также в регионе Смирны⁸⁷.

В то же время нельзя согласиться с утверждением о том, что господство крупных феодальных собственников не меняло структуры и методов управления селом, так же как нельзя признать существование в поздневизантийской деревне независимых от них «местных собраний» жителей села⁸⁸. В период, когда основная масса жителей византийского села находилась в феодальной зависимости, наблюдалось сужение функциональной деятельности института старцев, который издавна был поставлен под надзор провинциальных представителей власти и феодального землевладения⁸⁹. Усиление контроля над общиной с их стороны вело к ослаблению традиций самоуправления сельской общины. Кроме того, общественная активность рядовых крестьян была скована существовавшими юридическими нормами⁹⁰. В общем в результате естественного развития органы самоуправления сельской общины, ассимилировавшие представителей феодального землевладения, превратились в рычаг управления селом в руках крупного феодала.

Вопрос о власти феодального собственника непосредственно связан с изучением структуры управления его владениями, ибо в феодальном поместье развивались собственные органы управления феодально зависимым крестьянством. Уже Ф. И. Успенский сформулировал тезис о том, что феодал нуждался в административных органах, стоявших в зависимости от него⁹¹. Правда, ограниченность иммунитетных прав византийского феодала препятствовала формированию частного фискально-административного аппарата феодального поместья⁹².

Касаясь проблемы организации управления феодальной вотчиной в поздневизантийское время, исследователи преимущественно ограничивались отдельными замечаниями о характере управления и составе вотчинной администрации. Изучение названной проблемы проводилось по существу в двух основных направлениях.

Наиболее последовательно освещались вопросы управления государственными и императорскими, а также частнофеодальными владениями при помощи специальных управляющих. При этом был поставлен вопрос об использовании чиновников фиска в административном аппарате импе-

раторского имения и феодальной вотчины. Например, Ж. Руйар обратила внимание на подписи апографевсов фемы Фессалоники Константина Пергамена и Георгия Фарисея под актом 1321 г. о проведении периорисма, которые характеризуют названных чиновников как лиц, ответственных за имения императорского домена⁹³. Д. А. Закитинос подтвердил тезис французской исследовательницы, отметив, помимо этого, «дуку земель императрицы»⁹⁴. Им было указано также на использование чиновников-эпискепитов в государственных имениях⁹⁵. На основе собственных наблюдений Д. Ангелов пришел к аналогичным выводам о деятельности специальных чиновников в качестве управляющих императорскими владениями и феодальными поместьями⁹⁶. Н. Икономидис доказал тождество должностей дуки (антидуки) имений членов императорского дома и практора⁹⁷. В свою очередь Э. Арвейлер, поставив вопрос об использовании практора на службе частного лица⁹⁸, подробно охарактеризовала большую группу лиц — практоров, дук (антидук), грамматика и др., являвшихся администраторами императорского домена и вотчин крупных феодальных землевладельцев⁹⁹. Г. А. Острогорский подчеркнул, что связи, объединявшие управляющих феодальными вотчинами и их господ, основаны на отношениях вассальной зависимости¹⁰⁰. Исследование Л. Максимовича обобщило накопленные византинистами материалы по проблеме управления феодальными владениями, роли складывающихся в поздней Византии вассально-ленных отношений в организации управления государственными и императорскими имениями, вотчинами крупных феодалов¹⁰¹. Помимо того, служба практора в поместьях знати, обусловленная, по мнению исследователя, развитием иммунитета, охарактеризована М. Энгольдом¹⁰².

Следует отметить также точку зрения на изучаемую проблему Т. Миллера. Доказывая принципиальное различие между императорскими и государственными владениями, названный историк полагал, что они контролировались чиновниками различных ведомств — соответственно императорского казначейства (вестиария) и государственного казначейства (димосия)¹⁰³.

Остается добавить, что вопрос об организации управления вотчин духовных феодалов является малоразработанным. Некогда В. Г. Васильевский указал на факт присутствия управляющего во владениях одного из монастырей¹⁰⁴. Вопрос об администрации монастырских вотчин рассмотрен Д. Ангеловым, который связывал его с проблемой развития иммунитета в странах Балканского полуострова¹⁰⁵. Кроме того, Э. Арвейлер систематизировала сведения о должностных лицах (номиках) во владениях духовных учреждений¹⁰⁶.

Второе направление исследований связано с учением свидетельств о привлечении определенной части членов сельской общины к управлению феодальным поместьем. Так, еще В. Г. Васильевский указал на участие «лучших людей», «домохозьев», местных священников и номиков, «примирительных посредников» в проведении земельных межеваний и других операций, заострив внимание на их судебных полномочиях¹⁰⁷. П. Харанис упомянул о том, что «лучшие», т. е. наиболее видные жители пронии, принимали участие в суде прониара, рассматривавшем тяжбы между его париками¹⁰⁸. Затем Г. А. Острогорский показал, что феодальные землевладельцы, создавая собственный административный аппарат в своих владениях, рекрутировали кадры вотчинной администрации из среды зажиточной части крестьянства, так называемых «лучших» и «домоправителей» (οἰκοδεσπότες)¹⁰⁹. В том же духе решал проблему Б. Т. Горянов, считавший икодеспотов особыми должностными лицами пронии¹¹⁰. В настоящее время к позициям названных историков близки концепции К. Н. Цирпанлиса и М. Энгольда. Первый заявляет о том, что «честные и благоразумные» (upright and prudent) парики пронии составляли собрание (the assembly), обладавшее первичными судебными-административными полномочиями. Располагая некоторой самостоятельностью, они действо-

вали под руководством прониаров. Второй подчеркивает, что представители господствующего класса, привлекавшие к управлению поместьем «лучших» и «домоправителей», использовали традиционно сложившиеся общинные институты ¹¹¹. Крестьянская «аристократия», по выражению английского историка, формировала местную администрацию, состоявшую на службе крупных земельных собственников и обладавшую значительными полномочиями в сфере суда ¹¹².

Таким образом, в изучении проблемы управления феодальным имением пока намечались только основные направления. Показательно, что вопрос об участии зажиточных членов общины в управлении феодальным поместьем исследователи длительное время связывали с пронией. Результаты последних работ показали, что деятельность икодепотов была также связана с системой управления крупным экзимирированным владением.

Доминирующее положение в поздневизантийской деревне принадлежало крупной земельной собственности ¹¹³. Государственные и императорские владения, вотчины членов императорского дома и других представителей знати, а также владения церковных корпораций образовывали крупные земельные комплексы, складывающиеся из территориально рассредоточенных имений — зевгилатиев, проастиев, метохов и т. д. ¹¹⁴ Обусловленная в большой степени этим обстоятельством оторванность феодального землевладельца от его поместий порождала потребность в управляющих ¹¹⁵. От их опыта во многом зависели доходность и процветание феодального поместья ¹¹⁶.

Для надзора и управления обширными императорскими владениями привлекались чиновники фиска (апографевсы, практоры и др.) ¹¹⁷. В то же время представители государственной администрации (практиоры, логариасты) служили членам императорской семьи и родовитой знати ¹¹⁸. Некоторым из них присваивалось звание «дуки (антидуки) имений», свидетельствовавшее об исполняемой ими функции ¹¹⁹. Владения крупных государственных чиновников могли находиться под контролем, вероятно, подчиненных им должностных лиц. Например, в распоряжении великого друнгария флота кир Никифора имелся «логариаст имений» ¹²⁰.

Аристократические роды управляли своими вотчинами также при помощи поверенных или специально назначаемых лиц, так называемых «*ἄφροτοι*», являвшихся, по всей вероятности, их вассалами ¹²¹. Сведения о них сохранились с X—XII вв. ¹²² Документы XIII—XIV вв. показывают, что управляющие крупных феодалов прежде всего руководили хозяйственной жизнью поместья ¹²³. Члены семьи Малиасинов, приобретавшие земли для основанного ими монастыря, действовали при посредстве своего управляющего кир Михаила Василика. Он организовал закупку земельных участков и производил расчет с общинниками ¹²⁴. Управляющие владениями Михаила Враны представляли его интересы на суде с Лемвиотийским монастырем ¹²⁵.

По роду своей деятельности управляющие были обязаны следить за порядком в поместье, осуществлять надзор за крестьянами, не допускать с их стороны нежелательных действий. Распоряжение протовестиариссы Ирины предусматривало, что если зависимые от нее общинники (хориты) самовольно засеют землю, переданную Лемвиотийскому монастырю, то управляющие должны проследить, чтобы монастырю была выплачена соответствующая морта ¹²⁶. Помимо этого, управляющие взыскивали с подчиненных им париков установленные подати и, видимо, они были ответственны за исполнение административных актов передачи париков от одного феодала к другому ¹²⁷.

Не вдаваясь в подробности процесса формирования вассально-подчиненных отношений, можно предположить, что они сыграли определенную роль в организации управления феодальным поместьем ¹²⁸. Во всяком случае несомненно, что управляющие феодальной вотчиной в поздней Византии располагали значительными правами распоряжения подчиненной им сельской общиной или ее феодально зависимой частью ¹²⁹.

Сложная структура хозяйств монастырей и других церковных учреждений требовала особой организации управления. Для руководства многочисленными метохами и проастиями назначались специальные должностные лица¹³⁰. Они избирались из среды привилегированной прослойки монашества, члены которой участвовали вместе с настоятелями в управлении монастырями и известны под именем «старцев» (γέροντες)¹³¹. Старцы осуществляли надзор за метохами и вели хозяйство: следили за проведением полевых работ (на пашне, сенокосе), выпасом монастырских стад¹³². Иногда в качестве смотрителей, контролировавших выполнение работ в хозяйствах монастырей, выступали рядовые монахи. Они пребывали в метохах, например, для наблюдения за уборкой урожая и оставались там на срок жатвы¹³³. Обладая полнотой власти в монастырях, старцы распоряжались зависимыми от них жителями села: хоритами и даже стратиготами¹³⁴. В очень редких случаях управляющим монастырским хозяйством, ответственным за соблюдение имущественных прав монастыря, могло оказаться светское лицо¹³⁵. В хорионах, приобретших значение административных центров, в которых сосредоточивались владения крупных церковных организаций, учреждалась должность номика (νομικός)¹³⁶. Номики хорионов становились постоянными делопроизводителями общины и членами органов управления селом¹³⁷.

Таким образом, крупные земельные комплексы светских и духовных феодалов требовали формирования особого слоя управляющих. В качестве управляющих могли выступать чиновники фиска и вассалы феодальной знати. Особые должностные лица управляли владениями духовных учреждений. Основные функции управляющих феодальной вотчиной связаны с организацией и руководством вотчинным хозяйством. Они осуществляли административный надзор за населением феодального владения, следили за выполнением податных и трудовых повинностей феодально зависимого крестьянства.

Не меньший интерес представляет изучение характера управления и административного контроля над жителями села, зависимыми от мелкого и среднего феодала. Прежде всего в этой роли в поздневизантийской деревне выступал стратигот, которому была пожалована прония¹³⁸.

Завершающий период византийской истории ознаменован распространением и укреплением наследственной пронии. Это послужило толчком для образования широкого слоя прониаров-стратиготов¹³⁹. В своей массе стратиготы в этот период приближались по занимаемому положению к низшим слоям господствующего класса¹⁴⁰. Их общественное положение обеспечивало права владения и распоряжения зависимыми крестьянами¹⁴¹. Прониары-стратиготы взыскивали подати с зависимых крестьян¹⁴², обладали правом судить их¹⁴³. Они могли передавать в дар или обменивать своих париков¹⁴⁴. По замечанию Ф. И. Успенского, власть прониара нарушала целостность общины, ее административного устройства¹⁴⁵.

В конечном итоге общественное положение прониаров-стратиготов как феодальных землевладельцев и господ зависимых крестьян определялось тем, что они занимали нижнюю ступень в иерархии господствующего класса. С одной стороны, незащищенность владений рядовых стратиготов импунитетными правами обуславливала беспрепятственное вмешательство представителей государственной администрации¹⁴⁶, с другой — ограниченные размеры владений мелких прониаров позволяли обходиться им без управляющих. В то же время эти условия предопределяли систему управления зависимой от них частью сельской общины, которая была основана на использовании сложившихся общинных институтов. Прониар полагался на икодеспотов, «лучших», номиков хорионов, местных священников и др.¹⁴⁷

Безусловно, указанный путь организации управления помещьем не был свойствен исключительно прониарскому землевладению. Участие членов органов управления сельских общин, представляющих интересы своих господ, в работе феодального суда показывает, что крупные фео-

дальние собственники также организовывали управление своими владениями, опираясь на общинную организацию ¹⁴⁸.

Следовательно, использование представителей общинной верхушки в административном аппарате феодального поместья, как можно предполагать, было широко распространено как во владениях мелких и средних, так и крупных феодалов. Нет никакого сомнения, что этот способ формирования вотчинной администрации был обусловлен потребностью феодала в контроле над многочисленной массой париков, населявших феодальное поместье, что являлось непосильной задачей для отдельных управляющих.

Итак, судьба органов общинного управления была тесно связана с феодальным поместьем. Их значение и роль в жизни феодальной вотчины определенно возрастали при предоставлении феодалу судебно-административных прерогатив по отношению к зависимым от него жителям села. В XIII—XIV вв. иммунитетные права византийских феодалов значительно расширяются. Помимо податного иммунитета, феодальные собственники получали права юрисдикции над населением феодальной вотчины ¹⁴⁹. Во владениях крупных феодалов происходит организация вотчинного суда. Суду феодального господина подлежали его парики ¹⁵⁰. Суд осуществлялся уполномоченными феодалом лицами. Монастырские власти могли назначать особых судей ¹⁵¹. В состав вотчинного суда входили представители верхушки сельской общины (икодеспоты), включая мелкофеодальных землевладельцев и проиаров ¹⁵².

Таким образом, в условиях упрочения феодальной зависимости византийского крестьянства эволюция органов управления сельской общины завершалась созданием вотчинного суда, сформированного путем адаптации общинных органов. Генетическая преемственность вотчинного суда от суда сельской общины выражалась также в наследовании некоторых общинных традиций. Это хорошо обозначилось в процедуре «земельного суда» (γεωργικὴ κρίσις) — разбирательства поземельных споров и установления границ феодальных доменов ¹⁵³. В основе ее лежат элементы «божьего суда» — обход границ земельного участка и принесение клятв ¹⁵⁴. Есть основания предполагать, что подобный ритуал сохранялся, хотя и в редуцированной форме, вплоть до поздневизантийского времени ¹⁵⁵. Кроме того, поддерживался обычай, согласно которому при урегулировании имущественных споров феодалов и установлении границ их владений представители близлежащих общин давали свидетельские показания ¹⁵⁶. Вплоть до XIII в. прослеживаются примеры судебных процессов, на которых правота судящихся доказывалась при помощи испытания, состоявшего в безбоязненно совершаемом действии ¹⁵⁷. Тем не менее независимо от степени сохранения традиции в XIV—XV вв. решающая роль при проведении «земельного суда» перешла к судьям ¹⁵⁸.

Укрепление феодальных отношений в византийской деревне вызвало важные социально-политические последствия; предопределившие изменение характера и принципов организации управления зависимой частью общинного крестьянства. Необходимо подчеркнуть, что образованию феодального поместья сопутствовал раздел не только общинных угодьев, но и самого поселка вместе с его обитателями ¹⁵⁹. В подчинении феодального владельца, как правило, оказывалась не целиком вся община, а определенная часть ее членов.

Последнее обстоятельство обусловило зарождение в селах, принадлежащих различным феодальным собственникам, старостата, подчиненного феодалу и заменившего органы общинного управления в его поместье. В XIV в. во владениях Ивирского монастыря и Лавры св. Афанасия, расположенных в поселке Ксилоригий, селах Милициана, Като Волво, Пинсон, Селада, а также в селах Оксина и Гомату, обнаруживаются соименные членам органов общинного самоуправления «старцы» и «протостарцы» (πρωτογέροντες) ¹⁶⁰. Ф. Дэльгер отождествлял их с членами общинного самоуправления ¹⁶¹. Г. Г. Литаврин видит в них старейшин села ¹⁶². К. Н. Цирпанлис подчеркнул, что «протостарцы», которых он приравнял к «лучшим» крестьянам пронии, действовали по указанию

прониаров ¹⁶³. А. Е. Лаиу-Томадакис высказала мнение, что обозначение в практике «старец» указывает на возрастной ценз парика, хотя она с некоторым сомнением допускает, что звание «старец» могло характеризовать положение крестьянина в общине ¹⁶⁴. По нашему мнению, можно предположить, что протостарцы являлись старостами парического населения феодального поместья: во-первых, все они по своему социальному статусу были париками, а по имущественному положению и характеру податного обложения ничем не отличались от рядовых обитателей феодального домена ¹⁶⁵; во-вторых, численность старцев ограничена одним-двумя в каждом поместье, тогда как орган управления сельской общиной всегда сохранял свою коллегиальность.

Старостат, по-видимому, имел частноправовой характер, вследствие чего представители фиска редко отмечали в документах наличие в поместье старосты. Да и не в каждом поместье, вероятно, существовала эта должность. Функции протостарцев феодального поместья остаются скрытыми от исследователя. Очевидно, протостарцы являлись доверенными лицами господ. Во всяком случае протостарец Комитиссы выступал в качестве свидетеля от имени жителей поместья на судебном процессе афонских монастырей ¹⁶⁶. Таким образом, в поздневизантийский период, как можно предполагать, зарождается новый тип управления селом — старостат, предназначенный для контроля над частью общины, подчиненной феодальному господину.

Итак, сельская община в поздней Византии эволюционировала по пути развития феодальной зависимости. Наиболее отчетливо этот процесс выразился в перерождении органов общинного самоуправления. Установление контроля над общиной со стороны крупных земельных собственников сопровождалось внедрением мелких феодальных землевладельцев в органы управления сельской общины. Особенно интенсивно процесс подчинения общинного управления феодалу протекал в европейских районах Византии, где он в основном завершился к XIII в. В юго-западных областях Малой Азии органы управления общины перешли в зависимость от феодальных землевладельцев на протяжении XIII в. Лишь в середине XIV в. совершилась трансформация управления сельской общины в Трапезундской империи.

Формирование феодальной вотчины вело к созданию вотчинных органов управления. Владения императорского домена и вотчины светских и духовных феодалов, образовавшие крупные земельные комплексы, находились под контролем специальных управляющих. В качестве управляющих императорскими владениями и вотчинами привилегированной знати могли выступать государственные чиновники. Зависимость управляющих от феодала в большой степени связана с развитием вассальных отношений. Особая структура управления устанавливалась во владениях духовных учреждений.

Все же деятельность сравнительно узкого круга управляющих не снимала проблемы контроля над широкой массой феодально зависимого крестьянства. Необходимость осуществления контроля над крестьянством обусловила его организацию посредством использования в интересах феодала сложившихся общинных институтов. Можно сказать, что в период упрочения феодальных отношений в византийском селе использование феодалом органов общинного управления стало основным методом подчинения общины. Органы общинного управления послужили фундаментом для формирования административного аппарата феодального поместья.

В то же время продолжали существовать традиции сельской общины. Несмотря на усиление контроля провинциальных чиновников и феодальных земельных собственников, органы самоуправления общины, общинный сход располагали значительными правами в сфере регулирования земельных отношений и коллективных податных обязанностей членов общины. Более того, общинные традиции проявились в организации вотчин-

ного суда феодала, в установившихся нормах проведения поземельного суда.

Все же укрепление феодальных отношений в поздневизантийском селе способствовало частичному отмиранию функций самоуправления сельской общины. В европейской части Византии, где узы феодальной зависимости крестьянства были наиболее прочны, упадок самоуправления общины привел к зарождению старостата как органа контроля над парическим населением в рамках отдельного феодального поместья.

* * *

В работе приняты следующие сокращения названий изданий византийских документов и некоторых специальных работ: Армен. — *Κωνσταντινίου Ἀρμενοπολίτου Πρύχαιρον νόμων ἢ Ἐξάβιβλος*, ἐπ. Κ. Γ. Πατάκη, Ἀθήνα, 1971; ВА — *Успенский Ф. И., Бенешевич В. Н.* Вазелонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII—XV веков. Л., 1927; Лавра — *Анастаси-jevich Д. Н.* Српски архив Лавре Атонске. — Споменик СКА, LVI (48), 1922; Пант. — Акты Русского на св. Афоне монастыря св. великомученика Пантелеимона. Киев. 1873; Хил. — *Korablev B.* Actes de Chilandar. — ВВ, 1915. XIX. прил. 1; Athèn. — *Granstrem E., Medvedev I., Papachryssanthou D.* Fragments d'un praktikon de la région d'Athènes (avant 1204). — РЕВ, 1976, 34; Chil. — *Petit L., Korablev B.* Actes de Chilandar. — ВВ, 1911, XVII, прил. 1; Esph. — *Lefort J.* Actes d'Esphigménou. P., 1973; Formulari — *Ferrari G.* Formulari notarii inediti dell'età bizantina. — *Bullettino dell'Istituto Storico Italiano*, 1913. 33; Hiéra — *Darroutzis J., Wilson N.* Restes du cartulaire de Hiéra-Xerochoraphon. — РЕВ, 1968, 26; Iver. — *Dölger F.* Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrhunderts für das Athoskloster Iberon. München, 1949; Kast. — *Oikonomidès N.* Actes de Kastamonitou. P., 1978; Lavra. I—III — *Lemerle P., Guillou A., Svoronos N., Papachryssanthou D.* Actes de Lavra. P., 1970—1979. I—III; Ménéc. — *Guillou A.* Les archives de Saint-Jean Prodrome sur le mont Ménécée. P., 1955; Notre-Dâme — *Petit L.* Le monastère de Notre-Dâme de Pitié. — ИРАИК, 1900, VI; Pant. — *Petit L.* Actes du Pantocrator. — ВВ, 1903, X, прил. 2; Πείρα — *Jus graeco-romanum*, I, ed Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1856; Прôt. — *Papachryssanthou D.* Actes du Прôtaton. P., 1975; Schatz. — *Dölger F.* Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948; Xér. — *Petit L.* Actes de Xénophon. — ВВ, 1903, X, прил. 1; Xér. — *Vompaire J.* Actes de Xéropotamou. P., 1964; Zogr. — *Regel W., Kurtz E., Korablev B.* Actes de Zographou. — ВВ, 1907. XIII. прил.

¹ *Удальцова З. В.* Некоторые особенности феодализма в Византии. — In: *Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9.—11. Jahrhundert*. Praha, 1978, S. 7.

² *Ангелов Д.* Принос към поземлените отношения във Византия през XIII в. — ДСУ. Годишник на философско-историческия факултет, 1952, т. 47, кн. II (история), с. 37.

³ *Удальцова З. В.* Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969, с. 94.

⁴ *Angold M.* A Byzantine Government in exile. Government and society under the Laskarids of Nicaea (1204—1261). L., 1975. p. 142.

⁵ *Ангелов Д.* Указ. соч., с. 37, 74.

⁶ *Максимовић Љ.* Византијска провинцијска управа у доба Палеолога. Београд, 1972. с. 110; *Lemerle P.* Philippes et la Macédoine orientale à l'époque chrétienne et byzantine. P., 1945, p. 222.

⁷ Об апографевсе см.: *Максимовић Љ.* Указ. соч., с. 66—67. 112 сл.; *Angold M.* Op. cit., p. 214—217, 232, 252—253, 256; *Bréhier L.* Le monde byzantin. II. Les institutions de l'Empire byzantin. P., 1949. p. 278; *Dölger F.* Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. München, 1960, S. 81, 88—90; *Rouillard G.* Les archives de Lavra (Mission Millet). — *Byz.*, 1926, 3, p. 258; *Eadem.* Recensements de terres sous les premiers Paléologues. — *Byz.*, 1937, 12, p. 106; *Eadem.* Les actes de Lavra à l'époque des Paléologues. — In: *Atti del V congresso (1936) internazionale di studi bizantini*. Roma, 1939. I (SBN, 5), p. 303; *Мутафчиев П.* Избрани произведения. София, 1973, т. I, с. 633 сл.; *Heisenberg A.* Aus der Geschichte und Literatur der Paläologenzeit. München, 1920. S. 75—79. О кефале см.: *Максимовић Љ.* Указ. соч., с. 71 сл.; *Острогорски Г.* Серска област после Душанове смрти. Београд, 1965, с. 94; *Angold M.* Op. cit., p. 292 sq.; *Raybaud L. P.* Le Gouvernement et l'administration centrale de l'empire byzantin sous les premiers Paléologues (1258—1354). P., 1968, p. 212; *Zakythinou D. A.* Le despotat grec de Morée. II. Vie et institutions. Athènes, 1953, p. 60 sq., 107; *Dölger F.* Op. cit., S. 50—51; *Heisenberg A.* Op. cit., S. 68—70. О практоре см.: *Максимовић Љ.* Указ. соч., с. 130 сл.; *Angold M.* Op. cit., p. 232—233, 258—260; *Ahrweiler H.* L'histoire et la géographie de la région de Smyrne entre les deux occupations turques (1081—1317). — ТМ, 1965. I. p. 126; *Bréhier L.* Op. cit., p. 234—235; *Dölger F.* Op. cit., S. 15, 71—74; *Яковенко П. А.* К истории иммунитета в Византии. Юрьев, 1908, с. 68—69.

⁸ ММ. VI. 122; *Zogr.*, N V.81—84.

⁹ Esph., N 31.11—13.

¹⁰ ММ. IV. 128—129, 187—189; VI, 153—154; ВА, N 36.1—6; N 116.19—20; Chil., № 19.60—67.

- ¹¹ MM, IV, 147—148. Ср.: *Agold M.* Op. cit., p. 262.
- ¹² Xén., N 11—30—36. Ср.: *Laiou-Thomadakis A. E.* Peasant society in the late Byzantine Empire: A social and demographic study. Princeton, 1977, p. 175—176.
- ¹³ Владельческие права феодалов на зависимых крестьян подтверждались документально. см.: *Вишнякова А. Ф.* и др. Новые материалы по аграрной истории Византии XIII—XIV вв. — ВВ, 1951, IV, с. 209.
- ¹⁴ Lavra, I, N 65.44—45, 60—61. См.: *Острогорски Г.* Још једном о проијаријама Ку-манима. — В кн.: Сборник Владимира Мошина. Београд, 1977, с. 67 сл.
- ¹⁵ MM, IV, 261—262. См. также: *Соколов И.* Земельные отношения в Турции до тан-зимата. — Новый Восток, 1924, № 6, с. 96.
- ¹⁶ Iver., RV, 236—237; MM, V, 279; ср.: Лавра, с. 13—54—58.
- ¹⁷ MM, IV, 255—256.
- ¹⁸ *Васильевский В. Г.* Материалы для внутренней истории Византийского государства. — ЖМНП, 1880, ч. 210, № 7, с. 155, 160—161, 167—168; *Успенский Ф. И.* К истории крестьянского землевладения в Византии. — ЖМНП, 1883, ч. 225, № 2, с. 343; *Он же.* Следы писцовых книг в Византии. — ЖМНП, 1885, ч. 240, № 7, с. 14; *Он же.* Наблюдения по сельскохозяйственной истории в Византии. — ЖМНП, 1888, ч. 259, № 10, с. 251.
- ¹⁹ *Grenier P.* L'Empire Byzantin. I. L'Être sociale. P., 1904, p. 132.
- ²⁰ *Рудаков А. П.* Очерки византийской культуры по данным греческой агнографии. М., 1917, с. 178.
- ²¹ *Constantinescu N. A.* La communauté de village byzantin et ses rapports avec le petit: Traité fiscal byzantin. — Bulletin de la section historique de l'Académie Roumaine. 1927, 13, p. 173.
- ²² *Соколов И. И.* Материалы по земельно-хозяйственному быту Византии. — ИАН СССР. Отд-ние обществ. наук, Сер. 7, 1934, № 6, с. 711.
- ²³ *Dölger F.* Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrhunderts für das Athoskloster Ibero-n. — Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. N. F., 1949, Bd. 28, Einleitung, S. 19.
- ²⁴ *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, с. 58.
- ²⁵ *Ангелов Д.* Указ. соч., с. 37, 74.
- ²⁶ *Svoronos N.* Essais sur quelques formes de la vie rurale à Byzance: Petite et grande exploitation. — Annales, 1956, 11, N 3, p. 335.
- ²⁷ *Charanis P.* On the Social Structure and Economic Organization of the Byzantine Empire in the thirteenth century and later. — BS, 1951, XII, p. 122—123.
- ²⁸ *Ферјанчић Б.* Тесалија у XIII и XIV веку. Београд, 1974, с. 82.
- ²⁹ *Laiou-Thomadakis A. E.* Op. cit., p. 62—64.
- ³⁰ *Успенский Ф. И.* Социальная эволюция и феодализация Византии. — Анналы, 1922, II, № 2, с. 100.
- ³¹ *Успенский Ф. И., Венешевич В. Н.* Вазелонские акты: Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII—XV вв. Л., 1927, ком-ментарий, с. LVIII.
- ³² *Максимовић Љ.* Пронијари у Трапезунтском царству. — Сборник философског факултета, 1974, књ. XII-I, с. 397—398.
- ³³ *Bryer A.* Rural society in the Empire of Trebizond. — АП, 1966/67, 28, p. 158.
- ³⁴ *Angold M.* Op. cit., p. 260—264.
- ³⁵ *Литаврин Г. Г.* Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977, с. 32; *Ангелов Д.* Указ. соч., с. 50; *Сметанин В. А.* Категории свободного крестьянства в поздней Византии. — ВО, 1971, с. 83—84.
- ³⁶ Lavra, I, N 14.10; MM, VI, 189; *Δάμπος Σπ.* 'Ανέκδοτον χρυσόβουλον 'Αλεξίου Γ' τοῦ Μεγάλου Κομνηνοῦ, αυτοκράτορος Τραπεζούντος. — NE, 1905, II, с. 198.11.
- ³⁷ ὁ ληπτὸς λαὸς, ληποὶ ἅπαντες μικροί, см.: Chil., N 128.20—21, 44—45; MM, V, 280; VI, 47.
- ³⁸ Lavra, I, N 14.1—3; *Dölger F.* Beiträge. . . , S. 115—18—20 (ср.: Ibid., S. 135); *Svoronos N.* Recherches sur le cadastre byzantin et la fiscalité aux XIe et XIIIe siècles: le cadastre de Thèbes. — BCH, 1959, 83, p. 142—143.
- ³⁹ MM, IV, 128—129, 147; VI, 153, 187; Zogr., N VII.50. Ср.: *Ostrogorsky G.* La commune rurale à Byzance: Loi agraire — traité fiscal — cadastre de Thèbes. — Byz., 1962, 32, 1, p. 161—162; *Ahrweiler H.* Op. cit., p. 40; *Oikonomidès N.* Contribution à l'étude de la pronoia au XIIIe siècle: une formule d'attribution de parèques à un pronoiaire. — REV, 1964, 22, p. 166—167; *Мутафчиев П.* Указ. соч., с. 523; *Сметанин В. А.* Византийское крестьянство в терминологии греческих актов XII—XV вв. — АДСВ, 1963, 2, прил., с. 50, 52—53.
- ⁴⁰ *Литаврин Г. Г.* Византийское общество. . . , с. 76.
- ⁴¹ *Ангелов Д.* Указ. соч., с. 51; *Ostrogorskij G.* Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954, p. 77.
- ⁴² MM, IV, 147, 187; см. также: *Angold M.* Op. cit., p. 260.
- ⁴³ Pant., N IV.7—8; Chil., N 19.84. См. также: *Успенский Ф. И.* Социальная эволюция. . . , с. 100.
- ⁴⁴ Среди рядовых членов сельской общины было немало низших представителей церковного причта — дьяконов (Lavra, II, N 104.133), девтеров (MM, VI, 228; Chil., N 19.85—86), анагностов (MM, IV, 138, 196; V, 66, 67; Iver., A-303, K-40; Athèn., B².23). В некоторых семьях крестьян сохранение духовного звания одним из членов семьи превращалось в традицию (Iver., V.29—30; Esph., N 14.23—24; Lavra, II, N 109.348; Athèn., B².34).

- ⁴⁵ *Безобразов П. В.* Об актах Зографского монастыря. — ВВ, 1910, XVII, с. 409; *Он же.* Воздушная подать. — В кн.: Н. И. Карееву — ученики и товарищи по научной работе. СПб., 1914, с. 96; *Успенский Ф. И.* Социальная эволюция. . . с. 100; *Ангелов Д.* За зависимо население в Македония през XIV в. — ИП, 1957, XIII, № 1, с. 39—40.
- ⁴⁶ Несмотря на то что радикальные изменения социального статуса крестьян, принадлежавших к духовному сословию, представляются маловероятными (*Сметанин В. А.* О тенденциях идеологической и социальной динамики поздневизантийского общества в период перманентной войны. — АДСВ, 1975, 11, с. 104—105), показателен пример зятя иеромонаха Модена священника Михаила Воркина, сумевшего освободиться от ига парикии благодаря своему родству и тому общественному положению, которое он занимал в качестве перее (Chil., N 14, 15).
- ⁴⁷ Писцами ряда купчих актов оказывались монахи, перее, анагносты местной церкви (ВА, № 33, 38, 79, 81 и др.; ММ, IV, 166; VI, 149—150, 196 и др.; Zogr., N XIX.22—23, 59; Lavra, II, N 87.24; Hiéra., N 13.9—10).
- ⁴⁸ Iver., V, 29—30. Ф. Дэльгер предполагал, что священник Георгий был казначеем общины. см.: *Dölger F.* Sechs byzantinische Praktika . . . , Einleitung, S. 19. Кажется более вероятным, что указанно лицо являлось казначеем не общины, а церковного прихода, прихожанами которого были местные крестьяне.
- ⁴⁹ EspH., N 8.44.
- ⁵⁰ Lavra, I, N 14.4—12.
- ⁵¹ *Lemerle P.* Esquisse pour une histoire agraire de Byzance: Les sources et les problèmes. — RH, 1958, 220, Juillet — Septembre, p. 76—77.
- ⁵² *Литаврин Г. Г.* Византийское общество. . . с. 15.
- ⁵³ ММ, IV, 391—392, 397—398. Харанис говорит об «общей деятельности» (the common action) крестьян Дрианувены, см.: *Charanis P.* Town and Country in the Byzantine Possessions of the Balkan Peninsula during the Later Period of the Empire. — In: Aspects of the Balkans. Continuity and Change. The Hague, 1964, p. 123.
- ⁵⁴ Lavra, I, N 14.1—3; ММ, IV, 231; VI, 42—43. Можно указать для сравнения, что интересы жителей крепости Рентина на суде с Эсфигменским монастырем представляли только три человека (EspH., N 19.20—21).
- ⁵⁵ *Успенский Ф. И.* К истории крестьянского землевладения в Византии, с. 310, 313.
- ⁵⁶ *Ostrogorski G.* Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956, p. 45.
- ⁵⁷ ВА, № 39, 40—45.
- ⁵⁸ Там же, № 65.4—9.
- ⁵⁹ Ср.: ВА, № 39.71—74, № 50.22—26, № 57, 23—24; см. также: № 106.303, № 32, 33, № 111.11—13, № 36.1—4.
- ⁶⁰ Там же, № 117.
- ⁶¹ Там же, № 129.
- ⁶² Там же, № 81.
- ⁶³ Там же, № 125.11—13, № 127.13—14, № 128.26—28, № 129.10—12, № 131.7—8. Ср.: *Соколов И. И.* Вселенские судьи в Византии: Историко-правовой очерк. Казань, 1915, с. 45 сл.
- ⁶⁴ ВА, №№ 120, 121. См. также: *Χρόσανθος.* Ἡ ἐκκλησία Τραπεζοῦτος. — АП, 1933, 4—5, с. 495.
- ⁶⁵ ВА, № 130, см. также: № 125, 127.12—14.
- ⁶⁶ Там же, № 134.
- ⁶⁷ ММ, IV, 93—94, 147; VI, 153—156; Hiéra., N 8.9—14.
- ⁶⁸ ММ, IV, 34 и др., 290 и др.; VI, 153 и др.; Hiéra., N 8.
- ⁶⁹ ММ, IV, 147—148, 187—189.
- ⁷⁰ Ibid., IV, 92, 94, 180, 280.
- ⁷¹ Ibid., IV, 151, 166, 178 и др.
- ⁷² Ibid., 202, 210—211, 212—213.
- ⁷³ Ibid., 81—82, 179, 229—230, 278—279, 282.
- ⁷⁴ Ibid., 413; Chil., N 19.40—41; N 88.8—10; Pant., N IV.5—6.
- ⁷⁵ ММ, IV, 398; Pant., N IV.7—8; Chil., N 19.84.
- ⁷⁶ Chil., N 88.49—50, N 130.55—56; Zogr., N XIX.81—82, N XLI.4.
- ⁷⁷ Chil., N 102.23—24, N 130.41—42.
- ⁷⁸ Ibid., N 19.60—64; Zogr., N XLIV.13—18, 33—36.
- ⁷⁹ Chil., N 88.54—55; Zogr., N XII.48.
- ⁸⁰ EspH., appendice E, pass.
- ⁸¹ ММ, IV, 413; ср.: 398, 401.
- ⁸² Zogr., N VII.50—62, N XII.11—15; Chil., N 9.5—6, N 19.28; Xér., N 9A.83—84, N 17.12—22.
- ⁸³ Μετεώρ., N 18.87—90.
- ⁸⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19, с. 335—336.
- ⁸⁵ *Новаковић Ст.* Село. Београд, 1965, с. 66.
- ⁸⁶ ВА, № 39.40—45; ММ, VI, 97.
- ⁸⁷ Отмежевание земли феодальному собственнику близ хориона Кукула производилось в соответствии с величиной пожалованной налоговой квоты путем установления доходности земельного надела. Чтобы выполнить эту операцию, необходимо было произвести оценку отмежеванных участков земли. Правда, остается не вполне ясным, производили ли эту оценку присутствовавшие при межевании члены органов общинного управления, как предполагал Ф. И. Успенский (*Успенский Ф. И.*

Следы писцовых книг в Византии, с. 13—14), или чиновники фиска (ММ, IV, 147—149).

⁸⁸ *Angold M.* Op. cit., p. 163—164.

⁸⁹ Например, в «Пире» оговаривается, что при завещании имущества «архонты всякого места» пользуются преимуществом, свидетельствуя в первую очередь, и организуют дачу свидетельских показаний остальных лиц (Πείρα, XIV, 17; XXX, 56).

⁹⁰ С одной стороны, нормы гражданского права благоприятствовали общественной активности представителей господствующего класса и требовали привлечения в качестве свидетелей лиц «заслуживающих доверия» (μάρτυρες ἀξιόπιστοι) (Πείρα, XXIII, 5; XXX, 66; Армен., I, VI.1, 37; III, V.82, IX.2; IV, XIV.14; ср.: Formulari, N 7—8). По всей вероятности, самоназвание органов управления сельской общины («заслуживающие доверия люди») соответствовало бытовавшим правовым нормам. С другой стороны, неправомерно считать, что в качестве свидетелей имущественных сделок и судебных расследований выступали только представители мелкоземельного землевладения. проиары, монахи и т. д. (*Максимовић Л.* Проиари. . ., с. 397—398). В условиях укрепления феодальной собственности на землю общественная активность рядового крестьянина выражалась в освидетельствовании имущественных сделок членов общины (ВА, № 85, 88, 90; ММ, IV, 150, 152, 160, 162, 171, 173; Ηίερα., N 14.1—6); ср.: *Angold M.* Op. cit., p. 260.

⁹¹ *Успенский Ф. И.* Значение византийской и южнославянской проии. — В кн.: Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности. СПб., 1883, с. 23—24.

⁹² *Удальцова З. В.* Некоторые особенности. . ., с. 11.

⁹³ *Rouillard G.* Les actes de Lavra. . ., p. 306.

⁹⁴ *Zakythinos D. A.* Crise monétaire et crise économique à Byzance du XIIIe au XVe siècle. Athènes, 1948, p. 80.

⁹⁵ *Zakythinos D. A.* Le despotat grec. . ., II, p. 230.

⁹⁶ *Ангелов Д.* Принос. . ., с. 7—8, 14, 17.

⁹⁷ *Oikonomides N.* Op. cit., p. 166.

⁹⁸ *Glykatzi-Ahrweiler H.* La politique agraire des empereurs de Nicée. — Byz., 1958, 28, p. 64.

⁹⁹ *Ahrweiler H.* Op. cit., p. 161—163, 177—178.

¹⁰⁰ *Ostrogorsky G.* Observations on the Aristocracy in Byzantium. — DOP, 1971, 25, p. 16.

¹⁰¹ *Максимовић Љ.* Византијска провинцијска управа. . ., с. 16—19.

¹⁰² *Angold M.* Op. cit., p. 259—260.

¹⁰³ *Miller T.* The Basilika and the Demosia. The Financial Offices of the late Byzantine Empire. — REB, 1978, 36, p. 181—183.

¹⁰⁴ *Васильевский В. Г.* Указ. соч., с. 146.

¹⁰⁵ *Ангелов Д.* Аграрные отношения в Северна и Средна Македония през XIV век. София, 1958, с. 140 сл.

¹⁰⁶ *Ahrweiler H.* Op. cit., p. 115—118.

¹⁰⁷ *Васильевский В. Г.* Указ. соч., с. 118, 119, 128, 156—158, 160.

¹⁰⁸ *Charanis P.* Monastic properties and the State in the Byzantine Empire. — DOP, 1948, IV, p. 90, n. 110.

¹⁰⁹ *Ostrogorski G.* Pour l'histoire. . ., p. 77.

¹¹⁰ *Горянов Б. Т.* Поздневизантийский феодализм. М.: Наука, 1962, с. 181.

¹¹¹ *Tsirpanlis C. N.* Byzantine Parliaments and representative Assemblies from 1081 to 1351. — Byz., 1973, 43, p. 436—437; *Angold M.* Op. cit., p. 132.

¹¹² *Ibid.*, p. 263—264, 274—275.

¹¹³ *Zakythinos D. A.* Le despotat grec. . ., II, p. 180; *Ostrogorski G.* Pour l'histoire. . ., p. 63; *Svoronos N.* Essais. . ., p. 329.

¹¹⁴ *Dölger F.* Die Frage des Grundeigentums in Byzanz. — Bulletin of International Committee of Historical Sciences, 1933, V, 1, p. 6—8; *Ангелов Д.* Принос. . ., с. 8 сл.; *Он же.* Аграрные отношения. . ., с. 62; *Zakythinos D. A.* Le despotat grec. . ., II, p. 181—182, 189 и др.

¹¹⁵ *Ostrogorsky G.* Observations. . ., p. 29.

¹¹⁶ *Angold M.* Op. cit., p. 108.

¹¹⁷ Концепция Миллера о коренном различии сферы деятельности чиновников вестиярия и димосия оказывается недостаточно убедительной (см.: *Miller T.* Op. cit., p. 182). Подкрепляя свой тезис о чиновниках вестиярия указанием на введенные Ж. Руйар в научный оборот данные о лицах, осуществлявших контроль над императорским домено, Миллер не учитывает того, что речь идет о чиновниках фиска, выполнявших функции апографевсов (Lavra, II, N 110.22—24). Мало обосновано в качестве доказательства свидетельство о чиновнике вестиярия на острове Кос (ММ, IV, 216), так как использованное по отношению к нему выражение «διεμερτοῦτος» равным образом применялось для обозначения практора и других чиновников фиска (см.: *Heisenberg A.* Op. cit., S. 79—80; *Dölger F.* Beiträge. . . S. 73, Anm. 5; *Zakythinos D. A.* Le despotat grec. . ., II, p. 121—122). Также нельзя утверждать, что чиновники «имения Палатиев» (the Palatia estates) подведомственны вестиярию, так как выражение императорского хрисовула «αὐτῶν τῶν Παλατιῶν» может относиться к провинциальным чиновникам фиска, которым противопоставляются присылаемые для несения государственной службы апографевсы и стратиоты (ММ, VI, 195—196, ср.: *Ibid.*, 197).

- ¹¹⁸ Notre-Dame, I, N VIII, p. 46—3—5; Zogr., N XXXV.56—60; MM, IV, 158—159, 176, 259 и др.; Chil., N 76.14, 20—21.
- ¹¹⁹ MM, IV, 173, 175—176, 278—279; Formulari, N 32.1.
- ¹²⁰ Zogr., N XXXV.101—102.
- ¹²¹ При характеристике лиц, обозначаемых термином «ἀνδρωποι» следует учитывать, что это понятие не имеет определенного социального содержания. Оно использовалось по отношению к лицам различного общественного положения. См.: *Ahrweiler H.* Op. cit., p. 163.
- ¹²² *Арутюнова В. А.* К вопросу об ἀνδρωποι в «Типике» Григория Пакуриана. — ВВ, 1968, 29, с. 65 сл.; *Asdracha C.* La région des Rhodopes aux XIIIe et XIVe siècles. Etude de géographie historique. Athènes, 1976, p. 212.
- ¹²³ Zogr., N V.15—16, ср.: *Ibid.*, N V.21; MM, IV, 89, 105, 142, 233; VI, 247.
- ¹²⁴ MM, IV, 409.
- ¹²⁵ *Ibid.*, 278.
- ¹²⁶ *Ibid.*, 234—235.
- ¹²⁷ *Ibid.*, 236.
- ¹²⁸ *Максимовић Љ.* Византијска провинцијска управа. . ., с. 18—19.
- ¹²⁹ *Ангелов Д.* Принос. . ., с. 37, 74.
- ¹³⁰ *Prôt.*, N 13—32—33.
- ¹³¹ *Meyer Ph.* Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster. Lpz., 1894, S. 284; *Соловьев А., Мошин В.* Грчке повеље српских владара. Београд, 1936, комментарий, с. 414; ср.: *Parachryssanthou D.* Actes du Prôtaton. P., 1975, p. 117. Для управления метохами афонских монастырей, расположенными на территории Сербии, назначались «калугеры» (Хил., № 19.51—53).
- ¹³² Хил., № 8. 133—140, № 13.49—52.
- ¹³³ MM, IV, 146.
- ¹³⁴ *Ibid.*, 147; ср.: *Lavra*, III, N 155.38.
- ¹³⁵ MM, IV, 184—185.
- ¹³⁶ Ср.: *Ahrweiler H.* Op. cit., p. 115—116.
- ¹³⁷ MM, IV, 81, 151, 173, 174, 175, 203. 278; VI, 193 и др.
- ¹³⁸ Необходимо отметить, что в поздней Византии стратиоты рекрутировались также из среды зависимого крестьянства. В этом случае статус стратиотов определялся узлами паричской зависимости. См.: *Ферјанчић Б.* Тесалија. . ., с. 184, 224.
- ¹³⁹ *Ostrogorskiј G.* Pour l'histoire. . ., p. 93 и др.
- ¹⁴⁰ *Успенский Ф. И.* Значение византийской и южнославянской прони, с. 23—24; *Мошин В.* Δουλικὸν ζευγάριον. К вопросу о серваже в Византии. — СК, 1938, X, с. 119; *Glykatzi-Ahrweiler H.* Op. cit., p. 58; *Ostrogorskiј G.* Observations. . ., p. 15; *Ангелов Д.* Принос. . ., с. 4, 62; *Максимовић Љ.* Пронијари. . . с. 397—398; *Angold M.* Op. cit., p. 125—126; *Laiou-Thomadakis A. E.* Op. cit., p. 11.
- ¹⁴¹ См.: *Oikonomides N.* Op. cit., p. 159—160 (Παράδοσις παροίκων παρὰ τοῦ κατὰ χῶραν δουκὸς πρὸς στρατιώτην).
- ¹⁴² *Miller T.* Op. cit., p. 185; *Angold M.* Op. cit., p. 142.
- ¹⁴³ *Литаурин Г. Г.* и др. Очерки истории Византии и южных славян. М., 1958, с. 239.
- ¹⁴⁴ *Lavra*, II, ἀρpendice VIII. 18—19; *Iver.*, RK. 293—294.
- ¹⁴⁵ *Успенский Ф. И.* Следы писцовых книг в Византии, с. 6; см. также: *Zakythinos D. A.* Crise monétaire. . ., p. 62.
- ¹⁴⁶ *Ménés.*, N 17.1—13, ср.: N 7.15—18; *Chil.*, N 66, ср.: N 97.11.
- ¹⁴⁷ MM, IV, 38, 81 и др.
- ¹⁴⁸ *Ibid.*, 259, 278.
- ¹⁴⁹ *Васильевский В. Г.* Указ. соч. — ЖМНП, 1879, ч. 202, № 4, с. 415; *Яковенко П. А.* Указ. соч., с. 30—31; *Соколов И. И.* Материалы. . ., с. 707—708; *Ostrogorskiј G.* Agrarian conditions in the Byzantine Empire in the Middle Age. — The Cambridge Economic History, 1942, I, p. 212; *Charanis P.* On the social structure. . ., p. 97; *Zakythinos D. A.* Le despotat grec. . ., II, p. 122—124, 201; *Удальцова З. В.* О внутренних причинах падения Византии в XV в. — ВИ, 1953, № 7, с. 109; *Горянов Б.* Указ. соч., с. 179—180; *Хвостова К. В.* Особенности аграрноправовых отношений в поздней Византии (XIV—XV вв.). М., 1968, с. 238; *Максимовић Љ.* Византијска провинцијска управа. . ., с. 140 сл.; *Angold M.* Op. cit., p. 129.
- ¹⁵⁰ MM, V, 279. См.: *Яковенко П. А.* Указ. соч., с. 29, 67—68.
- ¹⁵¹ Хил., № 46—81—84; *Стојановић Т.* Стари српски хрисовуљи. — Споменик СКА, 1890, III, с. 11, I, B, 3; ср.: *Наумов Е. П.* Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII—XV вв. М., 1975, с. 120.
- ¹⁵² MM, IV, 80—84, 128—129. См.: *Ostrogorskiј G.* Pour l'histoire. . ., p. 75—77.
- ¹⁵³ *Schatz.*, N 34.18—19.
- ¹⁵⁴ Порядок раздела спорных участков установлен уже «Пирой» (XXXVII.1) и в полной мере обнаружился в XI в., см.: *Пант*, с. 34; *Schatz.*, N 57 pass., N 104.14—16; *Lavra*, I, N 40.10—20; *Esph.*, N 4.6—7; MM, VI, 10.
- ¹⁵⁵ *Kast.*, N 3.77—79; *Chil.*, N 9.4—7, N 128.16—19; *Esph.*, appendice E. 12—20; MM, IV, 42, 147—148, 180, 229—230, 279—281; *Μετewp.*, N 18.48—50, 95—96.
- ¹⁵⁶ *Esph.*, N 27.18—19; *Ménés.*, N 12.10—11; MM, IV, 38, 291; *Hiéra.*, N 8.53—67; *Chil.*, N 111.9—10; *Μετewp.*, N 18.20—21; *Zogr.*, N 38.20—24. Ср.: *Острогорски Г.* Комитиса и светогорски манастири. — ЗРВИ, 1971, 13, с. 224; *Он же.* Сербска област. . ., с. 82.
- ¹⁵⁷ MM, IV, 189. Ср.: *Васильевский В. Г.* Указ. соч. — ЖМНП, 1880, ч. 210, № 7, с. 155—157.

¹⁵⁸ Ср.: Армен., I, III.44.

¹⁵⁹ Esph., N 23.11—17; Lavra, III, N 129.6—8, N 161.55—56; *Dölger F. Facsimiles byzantinischer Kaiserurkunden*. München, 1931, N 55.3; *Regel W. Χρυσόβουλλα καὶ γράμματα τῆς ἐν τῷ 'Αγίῳ 'Ορει 'Αθῶ τερῆς καὶ σεβασμίας μονῆς τοῦ Βασιτοπεδίου*. СПб., 1898, № XI, с. 38.

¹⁶⁰ Iver., A.379, V.47—48, 317—318; Lavra, II, N 91, III.117, N 109.12—22 (?), 124 (?). ср.: Ibid., N 108.341—342.

¹⁶¹ *Dölger F. Sechs byzantinische Praktika*. . . S. 19.

¹⁶² *Лутаарви Г. Г. Болгария и Византия*. . . с. 58.

¹⁶³ *Tsirpanlis C. N. Op. cit.*, p. 437.

¹⁶⁴ *Laiou-Thomadakis A. E. Op. cit.*, p. 63, 271. Госвенные свидетельства мешают согласиться с утверждением о цензovém характере обозначения. Действительно, в четырех из шести отмеченных выше примеров протостарацы оказывались главами семей из трех поколений. Однако понятие «старец» применялось также для обозначения принадлежности земельных участков (Lavra, II, N 108.341—342, N 109.542, 569, 589, 594, 607; Iver., V.312). Естественно предполагать, что обозначения принадлежности имущества, в том числе земельных участков, в кадастре основаны не на возрастной характеристике, а на характеристике социального положения их владельца. Равным образом для характеристики глав хозяйств в практиках учитывались его профессия или социальное положение: иерей, сын номика и т. п. (Lavra, II, N 109.591—593). Если исходить из предпосылки социального содержания термина «протостарец», можно допустить, что крестьяне, носившие это звание, принадлежали к старейшему поколению жителей села.

¹⁶⁵ Протостарец хориона Оксияна являлся владельцем усадьбы (καθεδραῦν) (Lavra, II, N 108.341—342).

¹⁶⁶ Chil., N 10.29—30, 43—45.

М. В. КРИВОВ

ФЕОФАН И НИКИФОР О НАЧАЛЕ АРАБСКИХ ЗАВОЕВАНИЙ

События первой войны молодого Арабского халифата с Византийской империей в середине VII в. нашли свое отражение во многих исторических сочинениях: арабских, греческих, сирийских, коптских и армянских¹. Среди грекоязычных авторов первое место занимают Феофан² и Никифор³. В их трудах содержится богатый фактический материал, отчасти дополняющий, отчасти корректирующий сообщения других источников. Здесь мы постараемся определить соотношение этих двух источников между собой, не вдаваясь в их сравнение с другими авторами.

Феофан и Никифор писали свои произведения почти в одно и то же время — в начале IX в. — и в отдельных случаях пользовались одними и теми же источниками⁴, что приводит к совпадению некоторых сообщаемых ими сведений. Вместе с тем имеются и существенные различия. Прежде всего это относится к самой манере изложения материала — это объясняется разнородностью жанров произведений обоих авторов.

Сочинение Феофана — хроника, где изложение исторического материала ведется в форме погодных записей. Автор использует «александрийскую эру от сотворения мира» (начало эры отнесено на 1 сентября 5493 г. до н. э.). Хотя такой способ изложения дает последовательную хронологическую канву, на которую нанизываются события, все же он не свободен от недостатков. Во-первых, некоторые события даны слишком суммарно под одной датой. Так, события завоевания арабами Персии, длившегося почти 20 лет (633—652), помещены Феофаном под 6131 (640) г.⁵ Взятие Дамаска в 635 г., последовавшее затем завоевание арабами Финикии и имевшие место в 639—646 гг. события завоевания Египта помещены под 6126 г.⁶ Во-вторых, в Хронографии Феофана есть нарушения хронологии. Так, сражение при Муте, бывшее еще при жизни Мухаммеда в 629 г., отнесено к первому году правления 'Абу-Бекра⁷, ставшего халифом в 632 г. Само начало правления 'Абу-Бекра помещено под 6123 г., что соответствует 630 г. н. э. Таких неточностей у Феофана немало. Впрочем, они не принадлежат лично ему. Такие же неточности в хронологии имеются и у сирийского хрониста Дионисия, пользовавшегося при написании своей хроники сочинением маронитского автора Феофила